

A man with a mustache, wearing a dark suit and a light-colored shirt, sits in a wooden chair. He is looking directly at the camera. Behind him is a large window that offers a panoramic view of a densely populated city built on a hillside, with a large mountain in the background under a cloudy sky. To the right of the man is a tall wooden bookshelf filled with books. In the foreground, there are some potted plants and a small table with papers on it.

Хаим Фельдман

**Кто «убил»
«Статус», или
Преступление без
наказания**

Хаим Фельдман

**Кто « убил » «Статус», или
Преступление без наказания**

«Автор»

2026

Фельдман Х. М.

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания /
Х. М. Фельдман — «Автор», 2026

Кто «убил» «Статус» — уникальная книга. Прочитав её, вы взглянете на многие вещи иначе. Книга раскроет вам глаза на то, о чём вы не подозревали! Эта книга – не детектив. Это история одного преступления. Она отличается от классических криминальных сюжетов тем, что злодеяние до сих пор не раскрыто. И злодеи не только не наказаны, но и продолжают занимать высокие посты. Итак, на знойной земле Израиля жила и работала компания «Статус Групп». Её сотрудники честно работали, помогали тысячам людей. А потом начались события, потрясшие компанию до основания. Рассказ об этих событиях потрясёт и читателей книги. Ведь немногим известно, что честный и добросовестный бизнес не по нраву определенным силам в государственной машине Израиля. Правда о событиях вокруг «Статус Групп» поражает воображение. Вы поймёте, что жить и воспринимать реальность по-прежнему больше не получится. Автор считает, что то, что произошло с его компанией, не должно повториться. Потому и написана эта книга.

© Фельдман Х. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кто «убил» «Статус», или Преступление без наказания

Глава

«Кто убил «Статус» - уникальная книга. Прочитав её, вы взглянете на многие вещи иначе. Книга раскроет вам глаза на то, о чём вы не по-дозревали!

Эта книга – не детектив, в котором благородный сыщик разоблачает хладнокровного убийцу, подсыпавшего яд в в чай богатой тётушке. Но в то же время – детектив, только гораздо более жизненный. Это история одного преступления. Она отличается от классических криминальных сюжетов тем, что злодеяние до сих пор не раскрыто. И злодеи не только не наказаны, но и продолжают занимать высокие посты.

Автор, Хаим Фельдман, написал эту книгу именно для того, чтобы преступление было должным образом расследовано и официально раскрыто. Чтобы виновные были названы во всеуслышание. И чтобы предотвратить подобные преступления в дальнейшем.

Итак, на знойной земле Израиля жила и работала компания «Статус Групп». Её сотрудники честно исполняли свои обязанности, помогая тысячам людей. А потом последовали события, потрясшие компанию до основания. Рассказ об этих событиях потрясёт и читателей книги. Ведь немногим известно, что честный и добросовестный бизнес не по нраву определенным силам в государственной машине Израиля...

Правда о событиях вокруг «Статус Групп» поражает воображение. Вы поймёте, что жить и воспринимать реальность по-прежнему - больше не получится.

Автор считает, что то, что произошло с его компанией, не должно повториться. Потому и написана эта книга.

Дай бог не вляпаться во власть И не геройствовать подложно, И быть богатым — но не красть, Конечно, если так возможно.

Дай бог быть тертым калачом, Не сожранным ничьей шайкой, Ни жертвой быть, ни палачом, Ни барином, ни попрошайкой.

Дай бог поменьше рваных ран, Когда идет большая драка.
Дай бог побольше разных стран, Не потеряв своей, однако.

Дай бог, чтобы твоя страна Тебя не пнула сапожищем. Дай бог, чтобы твоя жена Тебя любила даже нищим.

(...)

Дай бог всего, всего, всего
и сразу всем — чтоб не обидно...
Дай бог всего, но лишь того, за что потом не станет стыдно.

Евгений Евтушенко, 1990 г.

От автора

Почему я пишу эту книгу?

Потому что люблю нашу страну. Израиль – мой дом, я здесь стал таким, какой я теперь. Я благодарен судьбе за то, что я из-раильянин.

Потому что я имел неосторожность пребывать какое-то время в плену иллюзии. Иллюзия заключалась в том, что я не осознавал масштабов чиновничьего беспредела на территории Государства Израиль. Я верил, что страна у нас демократическая и цивилизованная. За эту иллюзию я заплатил высокую цену. И не я один.

Потому что я уверен, что страну разъедает злокачественная опухоль беспредела. И она коснётся всех, если об этом вовремя не предупредить. Многие не поверят, что опасность действительно серьёзна. И многие не смогут оправиться от ударов, ко-гда они будут нанесены. Я смог, но не у всех есть мои преимущества – силы, характер, способность выживать в любых условиях.

Потому что считаю необходимым рассказать о безобразии, с которым столкнулся. Информация – первое лекарство от болезни беззакония, как и от болезни иллюзий.

Потому что верю, что ещё не всё потеряно. Верю, что если за-няться лечением, то страну можно будет спасти. Верю, что есть честные люди, способные нейтрализовать опухоль, а потом и удалить её.

Зачем я пишу эту книгу?

Чтобы другие люди не повторили моей ошибки, а наоборот – реально оценивали ситуацию, в которой мы находимся, и не позволяли иллюзиям исказить картину.

Чтобы не остались безнаказанными те персоны, для кого беспредел – это способ добиваться своих целей. Для кого закон – пустяковина, которую можно обойти, если речь идёт о своих интересах. И кто до сих пор продолжает занимать серьёзные посты в Государстве Израиль, принимать важные для страны решения, управлять людьми.

Чтобы подтолкнуть правоохранительные органы Израиля к раз-бирательству по поводу информации, изложенной в этой книж-ке. Те структуры государства, чья задача – охрана пра-вопоряд-ка, должны дать официальную оценку ситуации. Разорвать це-почку лжи и преступ-лений, до которых никому нет дела.

Чтобы начать процессы, которые помогут сохранить страну, удержать в ней сильных и креативных людей, которые разоча-ровались в здешних перспективах и покидают, или собираются покинуть, Израиль.

Чтобы рассказать, чего Израилю надо бояться больше, чем внешних угроз. Нас очень любят пугать палестинской или иран-ской угрозами. У страны есть реальный шанс не дожить до мо-мента, когда они нависнут всерьёз. Если злокачественная опу-холь расползётся, она погубит организм изнутри раньше, чем внешние угрозы.

Внутренняя болезнь, о которой молчат и которую не лечат, – опаснее.

Я не хочу о ней молчать и поэтому пишу эту книгу.

Пролог

Израиль – наверное, лучшая страна на свете. Или нет. Всё зависит от точки зрения и от вашего личного опыта. Для туристов это, конечно, рай. Для репатринтов – родина-мать.

Но, в любом случае, Эль-Аль – лучшая авиакомпания в мире. И аэропорт Бен-Гуриона – лучший. По крайней мере с точки зрения безопасности. Главное: когда очаровательные (но очень внимательные!) девушки из службы безопасности задают вам вопросы в очереди на посадку – не стоит врать. Впрочем, в этом грехе я, по словам моих знакомых, сотрудников и клиентов, вроде бы и не замечен. Вот не шутить (а внимательные девушки этого не любят!) гораздо сложнее. И если на вопрос «Кто складывал вам вещи в чемодан?» я уверенно ответил – мол, сам... То вопрос «Не просил ли вас кто-нибудь что-то передать?» вызвал целую бурю эмоций. Просили, конечно. В первую очередь – опыт. Бесценный опыт. Который обошёлся мне очень-очень дорого. Но, может, опыт этот пойдёт на пользу другим? Вам, например? Ведь «предупреждён – значит вооружён».

От шуток со службой безопасности я воздержался, поэтому пятнадцать минут спустя уже спокойно сидел в «Боинге» и с грустью разглядывал в иллюминатор раскалённую солнцем рулёжную дорожку аэропорта. Прощался на время с этой прекрасной землёй, мечтал о скором возвращении и пытался понять: как же так получилось, что, отдав своей исторической родине четверть века жизни, сегодня я вынужден улетать отсюда? По соседней дорожке пронеслась машина с мигалкой, и я вдруг подумал: не решили ли мои заклятые «друзья» подготовить мне на прощание какой-нибудь особо гадкий сюрприз? Но нет, это оказалась обычное авто аэропортовых служб. Что ж, значит «друзья» думают, что они уже победили меня. Пусть мечтают. Пока.

Командир экипажа представился по трансляции, и самолёт медленно пополз к взлётной полосе. Я пристегнул ремень и в эту секунду понял, что напишу книгу. Эту книгу. В конце концов, если мне «подарили» бесценный опыт – грешно им не поделиться с другими, правда?

Я хочу, чтобы вы узнали правду о настоящей, самой главной угрозе Государству Израиль. Угрозе, которая страшнее палестинских террористов или сирийских обстрелов. О гидре коррупции, которая пожирает мою страну, и может, не дай Бог, сожрать

её всю. Я напишу книгу о своём опыте, чтобы вы знали правду и могли сделать выводы. А потом я вернусь в лучшую страну на свете. На свою родину. Чтобы бороться с этой гидрой и дальше. Обязательно вернусь!

Глава 1

Моя алия

Я приехал в Израиль совсем молодым человеком и полюбил страну. Я возмужал здесь и получил первый серьёзный жизненный опыт и закалку. В полной мере «взошел наверх» - в соответствии со значением слова «алия». Силы для того, чтобы начать бизнес, успешно развивать его, биться за него, дала мне моя новая страна и моя семья. Я – истинный еврей, семья для меня – святое, основа, благодатная почва. Меня мои род-ные научили, в первую очередь, держать удар и отвечать на него. «Ты не боксёрская груша» - уяснил я свой первый жизненный девиз. Пару слов скажу о своей алии, это важно.

Я – не груша!

В седьмом классе я записался в секцию бокса.

Во всякие секции я и до этого ходил – приличные, без мордобоя. В музыкальную школу, радиокружок, баскетбол, бальные танцы. Все это множество занятий я выбирал, движимый любопытством. При этом я не стремился к рекордным достижениям, зато понимал, как устроены разные стороны жизни.

И тут – бокс! Не спросясь, не посоветовавшись! Аз ох-н-вэй! Можно себе представить, что сказали у меня дома.

Медицинскую справку для секции я тайно взял у своей тётки Бэллы, одного из лучших педиатров города. За что тетя Бэлла имела нагоняй от моей матери, воплощавшей хрестоматийный образ еврейской мамы. Благодарные сыновья великого народа сложили такой анекдот: «Чем отличается террорист от еврейской мамы? – С террористом, в принципе, можно договориться!» И только евреи знают, какая в этой шутке доля шутки, а какая – бесконечной любви и признательности нашим мамам...

Так вот.

С тётей Бэллой я как раз договорился. Последовавший за этим телефонный разговор звучал так:

Бэлла, ты с ума сошла! У него и так было сотрясение, без бокса!

Гитка, успокойся. Пусть мальчик сходит. Пусть ему там набьют морду. Он будет мужчиной, и уже скоро! Мужчине полезно. А то – бальные танцы...

Слава Б-гу, у нас была очень сплоченная семья. Папа принимал живейшее участие в моём воспитании и растил сына вовсе не неженкой. Он приучил меня с самого детства бегать по утрам. Бывало, что папа поднимал меня на эти пробежки чуть ли не ремнём. Ещё я интересовался баскетболом, радиоделом и ходил в кружок «Юный десантник». Так что нельзя сказать, что я был принцессой на горошине, утопающей в тёплых перинах и не знающей, что такое утренний зарядка.

Бокс папа тоже одобрил.

Мой отец, пока мы росли, был «несущей стеной» в семье и считал своим долгом сделать так, чтобы мы ни в чём не нуждались. Специальность инженера-механика представлялась ему не очень плодотворной в этом плане, и он профессионально занимался спортом, выполнял с товарищами высокооплачиваемые строительные подряды (тогда это называлось «шабашить»), занимался фотографией при комбинате бытового обслуживания и на этом отлично зарабатывал.

Мама была в Курске главным нефрологом, всего добилась своими силами, прошла путь от участкового и врача реанимации до ведущего специалиста города. Бывало, мы с сестрой Руфиной в детстве сидели у мамы в ординаторской: она не могла отлучиться домой и заняться нами, потому что в её помощи нуждались тяжелые больные.

Я люблю город моего детства. Курск – одна из твердынь чер-нозёмной России, житница, крестьянский край. Жители этой земли описаны еще в великом «Слове о полку Игореве». Я вспоминаю город и его жителей с благодарностью, но во всех краях и почти у каждого человека в период взросления бывает конфликт со сверстниками. Курск тут ни при чём. Это случается с подростками и в Лос-Анджелесе, и в Южно-Сахалинске, и в Киеве.

В моём классе, как в любом классе, была компания пацанов, которые не желали учиться и подчиняться правилам, а желали самовыражаться, задирая тех, кто от них отличается. Не знаю, как их одним словом назвать. Хулиганы? Да нет, все мальчишки хулиганят, я и сам такой был... Неблагополучные? Да нет, у них были нормальные с виду родители... В общем, проблемные. Для меня в первую очередь. Примерно с четвёртого по седьмой класс у меня была эта проблема.

Мама моя всегда говорила: «Нужно гордиться тем, что ты ев-рей. Мы – избранный народ. Ты – правнук знаменитого равви-на». Маминого деда при Сталине арестовали, а потом сослали в Сибирь за то, что он учил евреев Торе и Закону, когда полага-лось всем быть безбожниками. В самые что ни на есть советские годы в доме моих деда и бабушки отмечали все иудейские праздники. Отмечать-то отмечали, но распространяться об этом широко было не принято. А я мог, явившись в школу с ханукаль-ными деньгами, громко хвастаться так примерно: вот, если бы у вас всех был праздник Ханука, вам бы тоже дали столько денег! Характер у меня был, как у всех в переходном возрасте, колю-чий и несговорчивый. Просили же меня дома про Хануку не орать на всех углах... Поэтому той группке пацанов, которой хотелось быть круче всех, было просто ко мне прицепиться. Они пару раз обозвали меня «жидовской мордой», я - в драку, они в ответ с тумаками. Так конфликт сложился и вызрел. Еврейство моё сыграло тут не главную роль. Главным был мой неуживчи-вый характер.

Отец в мои разборки в школе не вмешивался, потому что я не жаловался. И папа считал, что я правильно себя веду. Вот если Руфину обидят, сказал он, я приду защитить девочку. А мальчик не станет мужчиной, если я буду регулировать за него подрост-ковые конфликты.

В общем, я понял, что не сделаться боксёрской грушей – это моя и только моя задача. Это первый мой шаг к осознанию того, что опираться надо на свои силы. Надо было становиться не грушей, а боксёром – в прямом и переносном смысле. Отсюда и возник выбор секции – к ужасу мамы. Тем более что в старших классах школы я был щуплым и невидным. Но оказался, по крайней мере, жилист и вынослив – спасибо и папиным пробеж-кам, и баскетболу, и боксу.

Ходил-то я туда недолго. С полгода. Достаточно было овла-деть несколькими основными ударами: я же не в мухамеды али метил, а просто хотел уметь защищаться. Пару раз у меня полу-чилось дать своим обидчикам, может, и не блестящий, но вполне достойный отпор. И больше меня не трогали.

Мне с самых ранних лет не хотелось быть похожим на «ев-рейского сыночка» из анек-дотов и песенок. Это вообще расхо-жий штамп, очень редко соответствующий действитель-ности. Еврейские сыновья, воспитанные еврейскими мамами и папами, любящими и самоот-верженными, хотя и несколько хлопотливы-ми, получают в большинстве случаев сильными, достойными людьми. Примеров достаточно и в истории, и в литературе: у

Бабеля, Шолом-Алейхема, Исаака Башевиса Зингера.

Что еврею хорошо – собака или водка?

Чем старше я становился, тем очевиднее для меня была простая мысль: невозможного в жизни немного, всё зависит от тебя. Была у меня с самого детства мечта: я хотел собаку. Мне мало в чём отказывали, а вот собаку не разрешали, прямо как Малышу из сказки Астрид Линдгрэн. И тут пришла пора держать первые в жизни экзамены – за восьмой класс. Предметы, кото-рые предстояло сдавать, я весь год с трудом «тащил» на троеч-ки. Не от глупости – от

лени, от мальчишеского разгильдяйства. И вдруг где-то в середине весны мне говорят: постарайся-ка, сыночек, сдать все экзамены на пятерки – тогда поговорим о собаке. Слабо?

Это мне-то слабо?! – сказал я себе. И сам себя не подвёл. Я больше и не помню, когда так уходил с головой в какое-нибудь занятие. Я сел за книжки, взял у сестры конспекты (откуда у меня, растяпы, свои-то?) и к экзаменам одолел все нужные дисциплины, как выражались в дореволюционной России, «на ять». Аттестат я гордо предъявил семейству.

И знаете, что главное в этой истории?

Даже не собака. Её так и не разрешили – мама взмолилась о пощаде, у неё оказалась аллергия на шерсть домашних животных. Мне даже честно сказали, что это и была основная причина того, что собаку столько лет не заводили. А пообещали мне её, наконец, завести, чтоб меня подстегнуть. Никто не верил, что я смогу «на все пятерки», вот и поманили меня заведомо недо-стижимым призом.

Это был первый случай, когда я действовал под девизом, которому меня потом крепко научит армия Израиля: всё возможно, всё у тебя в голове. Может, несколько идеалистично, зато хоро-шо мотивирует.

Воплотилась моя детская мечта о собаке, когда я стал уже бизнесменом. Белка – золотистый ретривер, независимая и добрая, очень преданная. Я люблю в шутку говорить, что у нас в доме один настоящий человек – Белка...

После восьмого класса я и вовсе ушел в строительно-монтажный техникум. Там ситуация оказалась зеркальной по отношению к школьной. Мы с приятелем Мишкой были два еврея среди неевреев, но в группе как раз стали лидерами. Не то что бы бить нас никому в голову не приходило – нас честно и единогласно избрали старостой и комсоргом. Наверное, решили, что у еврея лучше получится считать деньги: я был как староста ответственным за выдачу стипендий.

Но однажды сложилась ситуация, показавшая, что дело даже не в стипендии: просто мы были уже повзрослее и правильно себя поставили.

Послали нас от техникума в колхоз. С местными мы ухитря-лись не враждовать, а плодотворно сотрудничать. А именно – мы играли с ними в футбол. Так как в понимании местных играть просто так было неправильно, играли мы «на интерес». В соответствии с нашими представлениями о взрослости, «интерес» составляла водка: победившая команда получала бутылку.

Мы играли лучше, и всю полагающуюся за победы водку выпить было еще сложно – всё-таки нам было всего по шестнадцать лет. Выигрыши копились в вещмешке у Мишки, и там-то спиртное и нашла преподавательница техникума. За возмутительное укрывательство водки среди личных вещей товарищ мой был лишён стипендии на ближайший семестр.

Наказанный на деньги Мишка оказался, по сути, виноватым за всех – у него просто был самый большой вещмешок. Поэтому я призвал одноклассников ежемесячно скидываться и возмещать ему отсутствующую стипендию. Ни одна душа не возразила. Это решение показалось всем вполне справедливым, и, подозреваю, наш с комсоргом авторитет тоже сыграл свою роль.

Вообще, мое решение пойти после восьмого класса в техникум было воспринято в семье тоже не без беспокойства. Я школьную учебную программу одолевал без труда, разве что ленился. А из восьмого, все помнят, в техникумы уходили обычно глуповатые, неблагополучные, хулиганистые. Я же просто захотел, как часто бывало, увидеть жизнь ещё с одной стороны и научиться чему-то полезному. Заодно узнал много нового из области отношений между людьми, законов лидерства, перипетий дружбы и приятельства.

Спасибо всем первым моим наставникам – за жизненный опыт и волю к победе. Школа и секция бокса впервые подтолкнули меня к мысли о том, что не всё на свете безоблачно, не все окружающие обязаны тебя любить, но при этом нельзя становиться боксёрской грушей.

Учёба в техникуме, дальнейшее взросление доказали: ни раскисать, ни ожидать, что кто-то решит за тебя твои проблемы, не стоит.

Жизнь будет меня и дальше этому учить – в новой, поначалу чужой стране, в вооружённых силах Государства Израиль, в бизнесе, в работе с государственными структурами.

Но сначала была эмиграция.

Сионизм на собственной шкуре

И вот она перед нами – наша новая родина. Незнакомая, странная. Пальмы, море, очень жарко. Все совершенно не так, как дома. Чужой язык. И мне всего семнадцать лет.

Страшновато сначала было, а как же.

Наверное, нас можно было назвать настоящими сионистами. То есть людьми, чья жизненная цель – поселиться на земле обетованной и принести ей максимальную пользу. А уж польза для самих себя получится автоматически.

Сионизм как идеологию сформулировал, как мы знаем, австро-венгерский еврей Теодор Герцль. Идея его сводится к тому, что евреям всего мира лучше всего будет в собственном государстве, потому что в прочих государствах они почему-то всем мешают. Неевреев Герцль, кстати, тоже приглашал в этот дом, если они этого хотят и обязуются прилично себя вести.

Так что сионисты – это не те, кто считает, что евреи лучше и главнее всех. Это те, кто берет свои пожитки и уезжает на историческую родину со словами: спасибо всем за гостеприимство, но там мой дом.

Вот примерно по этой причине и уехала моя семья.

Тогда, в конце восьмидесятых, только набирала обороты перестройка, ещё не начался избыток свободы в сочетании с нехваткой еды, который придавит российских граждан в девяностые и обратит многих бюджетных нищобродов в мелких торговцев чем придется. Мы, вообще, жили в достатке, потому что ни-кто в семье никогда не бездельничал. Мне в моем детстве всего хватало (я же еще был младшенький!), проблемы решались, любые жизненные ситуации утрясались. Разумеется, у родителей были весьма обширные связи. Можно сказать, мы были советской элитой. Но именно в то время, в конце восьмидесятых, идея «будущего на исторической родине» захватила еврейскую общественность. В эти годы, видимо, родился анекдот про то, как еврей вмешивается в чужой разговор: «Не знаю, о чём вы тут говорите, но надо ехать, надо ехать!» Вот все и поехали, потому что покинуть бывший «совок» стало проще. Друзья убеждали и сманивали друзей, родственники – родственников. Конечно, немало людей ехало за мечтой о заграничном достатке с полными прилавками. Но справедливости ради надо сказать, что тогда многие евреи вдруг остро ощутили свое еврейство. Действительно, говорю без капли сарказма, захотели в некий свой дом, который придумал еще в конце девятнадцатого века Теодор Герцль.

А тут ещё грянула в полный рост гласность! Сколько нового узнали бывшие советские граждане о своей стране «с непредсказуемым прошлым», о ее руководителях – давних и современных, о плачевном состоянии экономики, о катастрофическом загнивании важных сфер: медицины, образования, армии!

Сия последняя вызывала у моей семьи особенное беспокойство. Ибо мне скоро предстояло быть в эту армию призванным, а тогда только и было слышно, какое там растление, дедовщина, произвол командиров и не уставные отношения. Повесть

«Сто дней до приказа», художественный фильм «Караул» подлили масла в огонь. Все вправду испугались, особенно матери. Ведь идея «косить» от армии родилась тоже где-то в эти годы. В Советском Союзе все шли служить и ничего не боялись, хотя пресловутая дедовщина – дитя конца шестидесятых. Видимо, в моей семье волновались и из-за вышеописанных проблем са-мой армии, и из-за особенностей моего мировоззрения. Вы, должно быть, уже поняли по моим предыдущим строкам, что я был отнюдь не сахар. Моя мама не была бы еврейской мамой, если бы не беспокоилась, как я с таким характером буду в этой армии. Вот эта мысль

в совокупности с мыслью о том, почему бы нам, евреям, не поехать жить к евреям, наверное, и определили наше решение перебираться на землю обетованную.

Для нас она совсем не была «землёй, текущей молоком и мёдом». Наоборот, жизнь была не мёд. Надо было начинать всё заново, и это не фигура речи. Благоустроенная квартира, много-летняя работа, привычный круг общения остались в Курске. А ещё мы ведь уезжали из Советского Союза. Только через год после нашего отъезда случился демократический переворот и роспуск СССР. А тогда ещё не объявили в стране капитализм, нельзя было продать квартиру, вывезти с собой значительную сумму денег. Родители были в Курске люди с положением, а в новой стране пришлось, как вчерашним студентам, доказывать, что ты можешь приносить пользу. Мама после двадцати лет работы врачом и положения главного специалиста города была вынуждена проходить профессиональную переквалификацию. Отец сначала пошел поливать газоны, затем окончил курсы переподготовки для инженеров и устроился работать по своей институтской специальности, по которой почти не работал в Союзе. Мне пришлось искать неквалифицированную работу и зачастую получать меньше установленного минимума оплаты труда.

И всё-таки мы были благодарны нашей новой родине. Она бесплатно учила нас ивриту, предоставляла возможности устроиться на работу, выучиться профессии. Я сам потом внедряюсь в этот бизнес, достигну в нем успеха. О судьбе моей компании будет еще долгий и, к сожалению, невеселый разговор.

А пока мы начинали с того, что учили новый для нас, совершенно не родственный русскому, причудливый язык царя Давида. Однако я увлекался тогда общением со своими русскоязычными сверстниками, много гулял по ночам, как и положено молодому парню. Занятия в ульпане были для меня скучноваты. Ивритские огласовки, сопряжённые конструкции и биньяны глаголов быстро меня утомляли, и я на занятиях неприлично спал.

Потом моя мама разузнавала, куда в этой стране можно пристроить такого, как я, оригинала. Ей посоветовали интернат по подготовке технических специалистов для армии на военной базе, где спать на занятиях никому не позволяют и дисциплина войсковая. Я уж совсем было начал учиться как человек, но попал в историю: меня отчислили за потасовку. Я, в общем, не так уж был неправ, но драться было не надо. Пришлось получить через биржу труда специальность сварщика и до армии работать. Это тоже был неплохой опыт, который мне не раз пригодился.

Часто бывают ситуации, когда надо поступить по зову сердца, даже если тебя все вокруг не одобряет. Вероятно, это и называется интуицией. Мне неоднократно пригодится это «шестое чувство», когда я буду заниматься бизнесом. Ведь бизнес – это игра на деньги с большими рисками. Но до бизнеса мне предстояло ещё дорасти. Пока меня ждал армейский опыт.

Голова помогает ногам

Начну с того, что в армию я пришёл, всё еще толком не зная иврита. Ведь ульпан я не окончил, а сварщику слишком много болтать не приходится. И вот в части я с ужасом осознал, что не понимаю приказов – а как с такой воякой командиры справятся? Боевые части армии были первым местом на моем жизненном пути, откуда выгнать меня не могли – Устав не позволял. Один из офицеров сказал нам, новобранцам: отсюда до срока выходят только с дискетом во рту. Дискет, как известно, это пластинка с порядковым номером военнослужащего. В рот его кладут мертвому солдату, когда выносят тело с поля боя. Так что отцы-командиры избавиться от меня не могли, даже если бы захотели. Они должны были научить меня всему, чему полагалось – не убивать же меня!

Иврит я хватал на лету. К счастью, плотная языковая среда и не таких, как я, выручает. Когда никто вокруг тебя ни слова на другом языке не молвит, поневоле научишься.

Вообще, армия сделала из меня совсем другого человека, без преувеличений. Именно там я услышал из уст командира примерно следующее: запомните, вы можете всё. Все возможности человека – у него в голове. Вскоре этот тезис был мной проверен на практике.

Нам предстоял марш-бросок на десять километров. На пять и на семь мы уже ходили, справились прекрасно. Я совершенно не волновался. И вот практически на старте, когда разгонялись, я, не посмотревши под ноги, ухнул в яму с водой – тогда была дождливая зима, всё раскисло. Я ничего себе не повредил и да-же выбрался сам, а идти дальше не могу, ноги не несут. Сам не понял, что это было – испугался, что ли. Пришлось моим товарищам весь путь тащить меня за собой за лямки боекомплекта – это было проще, чем открывать носилки. Помню два ощущения: внутри нестерпимый стыд, а над лицом – звезды в небе... Так и я, и мои сослуживцы примерили на себя один из непререкаемых законов службы в израильской армии: сколько человек вышло с базы, столько должно вернуться.

А через неделю надо отправляться в новый марш-бросок – уже на семнадцать километров. Я, признаться, после предыдущего раза довольно сильно трусил и даже хотел под надуманным предлогом остаться на базе. Но потом совесть взяла верх. При распределении дополнительных грузов сержант поручает мне (кроме боекомплекта, разумеется) нести десятилитровую канистру с водой – джерикан. Кто служил в израильской армии – знает. «Ну, всё, – подумал я -. Теперь моим сослуживцам придется тащить не только меня, но и десять кило моего груза». И вот мы двинулись, а я всё боюсь, что вот-вот мне станет неважно. Идём-идём, а я всё боюсь. И настолько я сосредоточился на ожидании неприятностей, что и не заметил, как мы преодолели семнадцать километров!

Вот тут-то я понял, что действительно всё у нас в голове. Придумаешь себе, что ноги отказали – и не сможешь идти, даже если ноги в порядке. Придумаешь какой-то подстёгивающий страх – и на этом страхе дойдешь до цели и не заметишь!

После таких испытаний начинаешь по-другому относиться к жизни. Понимаешь, как надо жить, чтобы выжить. После того, как я три года провел в палатках, жил в пустыне, даже был старшиной целой тренировочной базы и целиком отвечал за её жизнеспособность, мне в мирной жизни многое далось легче, чем другим. Я всегда помнил, что бывало хуже.

В армии я осознал, что учиться необходимо, и это – огромное удовольствие. Научился отвечать за себя и за людей. Понял, что отлынивать от своего долга – непорядочно. Раньше я знал, что в жизни надо работать, но знал как-то со стороны, по опыту моих родных. Теперь это был мой собственный опыт: в израильской армии постоянно трудятся.

Эту навсегда поселившуюся во мне ответственность я понесу в мирную жизнь, в бизнес. Вместе с главными уроками армии. Первый: своих не бросают, сколько вышло с базы – столько должно вернуться. Второй: всё в голове, и тогда ничего невозможного нет.

Глава 2

Мой труд и моя удача

Сейчас вы решите, дорогой читатель, что я хвастаюсь. Рассказываю, какой я умный, смелый, ответственный и как я грудью защищал свою компанию. Но то, о чём я буду повествовать в этой главе, говорится не для хвастовства. Я создал своё дело и повёл его с успехом, и совершенно не вижу причин этого стесняться. На самом деле соображения пользы для страны должны были бы заставить израильские государственные структуры создать эффективные компании, по-добные моей, ещё когда я под стол пешком ходил. Если бы госструктуры это умели, моей частной компании не было бы места в этой сфере. Но мы существовали, и существовали успешно! А таланты некоторых работников государственных учреждений, к моему разочарованию, заключались в том, что-бы эффективным компаниям мешать. Но обо всём по порядку.

«Хочу быть гендиректором!»

Я почему-то всегда знал, что буду руководителем. Меня вдохновлял пример ещё моего деда, начальника домостроительного комбината в Курске. Я бывал у него на работе и наблюдал, как он красиво руководит подчиненными. Мне казалось, что для него не существует неразрешимых ситуаций. Я смотрел на деда и понимал, что быть начальником – это ответственность, нервы, седые волосы. Даже странно, что многие люди, выбившись в начальники, думают, что их положение – это просто возможность командовать другими, обманывать людей и загребать себе все победы. О таких руководителях мы ещё поговорим.

В свою первую рекрутинговую компанию я попал, ещё когда служил в армии. Я был старшиной тренировочной базы. Слушать мне оставалось меньше двух месяцев, и я мог выходить в увольнительные каждые выходные. Я пошел искать подработку по моей первой специальности – сварщика, а мне вдруг сказали: можешь работать у нас? Нам надо, чтоб кто-то людей развозил.

Вот это да! Попасть сразу в рекрутинговую компанию, да ещё машину дадут, какое везение!

Я попросил командира центральной базы, которому подчинялся: дай мне шанс. Свои служебные обязанности я буду исполнять в полной мере, но мне придется чаще покидать базу, чем просто по выходным. Ведь в компании не будут ждать почти два месяца, пока я дослужу! Мой мудрый командир согласился пойти мне навстречу, за что ему большое спасибо – иначе я бы этой работы не получил.

Вскоре я всё время, которое мог, проводил в новой компании. Мои коллеги сообразили, что я своим местом дорожу, и стали поручать мне всё больше дел подозреваю, что своих в том числе. Я крутился, как вентилятор. Вставал в пять утра, мотался между заводами, успевал по делам службы на военную базу, снова летел на работу: привозил списки вакансий, договаривался об условиях.

Скоро я демобилизовался, это было в январе, и собирался пойти учиться – учёба должна была начаться в сентябре. Этот свободный от других занятий период я плотно занял работой, со всеми завязывал знакомства, знал наперечёт друзей и конкурентов. Скоро моё имя стало известно в рекрутинговом бизнесе и по причине моей кипучей энергии, и потому, что этот рынок в Израиле весьма тесен.

Учиться я пошёл по специальности «Управление и производство», специализация «Маркетинг», в колледж младших инженеров в городе Акко. Одновременно с учёбой я постоянно работал. Это позволяло мне не сидеть на шее у родителей, самому обеспечить себя всем, что необходимо молодому человеку в таком возрасте. Армейский опыт воспитания выносили-

ности я перенёс в мирную жизнь – и навсегда привык к жёсткому ритму жизни, когда успеваешь много, а отдыхаешь мало.

Учился я с удовольствием, не то что когда-то в школе или в ульпане. Я поверил, наконец, что учёба – это полезный и интересный процесс. Некоторым везёт, они это понимают еще школьниками, но большинство – только к взрослому возрасту. Я из большинства.

В конце учёбы в колледже случился у меня сумасшедший роман, переросший в скоропалительный брак. Мы прожили с моей возлюбленной меньше двух месяцев и поняли, что погорячились. Это была ещё одна ступенька на пути взросления. Расставание с этой девушкой, несмотря на несерьёзные сроки нашей любви, выбило меня из колеи. У меня в семье никто никогда не разводился. Меня не осуждали, но всё равно было не по себе. Тяжело было сосредоточиться на учёбе, сдавать выпускные экзамены. Как раз одновременно с разводом я пытался определиться с трудоустройством: прошел два собеседования в компаниях, но настроиться на серьёзную работу было сложно. Молодость и эмоции всё-таки брали своё: я страдал и сам не мог решить, чего хочу.

И вот из одной компании, где я проходил собеседование, позвонили.

-

Вы устроили бы нас в качестве руководителя филиала.

-А разве я проходил интервью не на должность генерального директора?
спросил я, честно говоря, чтобы отвязаться.

-Но генеральный директор в компании есть. Это я, - ошарашенно ответили из трубки.

Тогда мы друг друга неправильно поняли, - сказал я и по-прощался, полностью уверенный, что слышу этого человека в последний раз.

Я, конечно, удивился, когда через три дня он снова позвонил мне. Наверное, сама судьба решила, что мы будем полезны друг другу. Зев был владельцем и гендиректором рекрутинговой компании. Он сообщил, что моя наглость его покорила, и он готов попробовать меня на любой должности, на какой я захочу. Наверное, я показался ему любопытным экземпляром – а вдруг выйдет толк. Теперь я испытываю к Зеву самую тёплую благодарность – если бы не он, я бы не приобрёл столь необходимую в любом бизнесе уверенность в себе. Именно уверенность, а не нахальство, которое я в тот момент еще продолжал демонстрировать. Заявившись на работу, я возмутился, что мне предоставят автомобиль самого простого класса. Гендиректор сказал, что он найдет для меня машину «директорского уровня», если я оправдаю надежды.

Затем мы стали договариваться об оплате труда. Я запросил минимальную зарплату и ещё один процент с дополнительного оборота, который я принесу. Вскоре пригодился армейский опыт ориентирования на местности, я составил толковый тендер для проекта по уборке зон отдыха на севере Израиля. Проект пошел хорошо, компания весьма прилично заработала.

У меня ещё никто столько не получал,

-сказал Зев,

выдавая мне жалованье через четыре месяца. Один процент с оборота вылился в неплохие деньги.

Вскоре я ещё несколько раз продемонстрировал, что приношу компании реальную пользу. Можно было напомнить начальнику, что он обещал мне «директорский автомобиль».

-Свою тебе, что ли, отдать? У меня сейчас других машин хорошего класса нет!

пытался отбиться Зев.

-Не знаю. А только слово надо держать, - подначил я начальника.

Бывший офицер спецназа, да просто честный человек, шеф счёл мой аргумент неопровержимым. Он действительно дал слово, и это не было для него пустым звуком. Так я получил от моего руководителя не только почти новый джип, но и урок ответственности за свои слова.

Зев меня многому научил, он це-нил меня как сотрудника и хотел, чтоб я стал полноправным партнёром в компании. Но я уже нацеливался на новые горизон-ты.

Вообразите: мне двадцать три года, у меня превосходная ре-путация у моего уважаемого (без дураков!) начальника, настоя-щий крутой джип и куча самоуверенности. Как написал мой лю-бимый Бабель про моего любимого героя Беню Крика: «Вы - тигр, вы - лев, вы - кошка. (...) Если бы к небу и к земле были приделаны кольца, вы схватили бы эти кольца и притянули бы небо к земле». Примерно так я себя и чувствовал.

Надеваю наручники

Человек осторожный и здравомыслящий так и держался бы старшего друга, стал бы парт-нёром, работал бы спокойно, в ка-кой-то момент взял бы в свои руки основное руководство всем ведь свойственно стареть, даже лучшим в мире старшим компаньонам. Но я в очередной раз захотел оседлать судьбу.

Мой мудрый руководитель, услышав, что я всё-таки ухожу и собираюсь открыть своё дело, сказал мне: помни, своё дело – это наручники. Если оно идёт неплохо, это наручники из золота. Если плохо – обыкновенные наручники.

Я понимал, что Зев прав, но я почувствовал вкус денег, вкус самостоятельных решений. Действительно ощущал себя способным «притянуть небо к земле». И сказал шефу: хочу или всё своё, или ничего.

С Зевом мы еще потом встречались и сотрудничали. На заре моей «сольной карьеры» Зев выручил меня, тогда никому не известного «свежего» бизнесмена: предоставил своё страховое покрытие. А через год с небольшим уже он обратился ко мне с неожиданной просьбой. Зеву надо было ложиться на операцию, и не на кого было оставить компанию. Я тогда был уже его прямым конкурентом, но не мог не согласиться. Управлял его фирмой полтора месяца (совмещая со своим делом, конечно), не переманил ни одного его клиента и, разумеется, не украл ни копейки. Бывший шеф хорошо заплатил мне за работу и был благодарен за помощь. Скажи кому – не поверят!

С высоты теперешнего опыта я вижу, что был тогда наивен. Я сам честно вёл бизнес и ждал этого от других. С Зевом мне колоссально повезло в начале моей карьеры, и я ещё некоторое время думал, что все ведут дела так, как мой бывший начальник. В дальнейшем жизнь меня пообломает, но это будет потом.

Мне очень хотелось самому организовать рекрутинговый бизнес, организовать особенно хорошо. Эта работа представля-лась, и до сих пор представляется, мне очень важной. Изра-иль принимает тысячи репатриантов. Я сам был репатриантом. Я знаю: многие боятся пере-мен, чувствуют себя чужими в новой стране, страдают из-за утраченного статуса. Много раз во время работы в рекрутинговом бизнесе мне приходилось слышать слова вроде: эх, там я был заведомо универмага, а здесь я кто?

Можно, конечно, над такими людьми посмеиваться или осуждать их, но это, на мой взгляд, глупо. Если человек приехал в страну и желает быть полноправным членом общества, нужно предоставить ему такую возможность. Люди, подыскивающие возможности, зачастую должны поработать психологами: убедить новоиспечённых израильтян в том, что тезис «Здесь я ни-кто» непродуктивен, что не надо опускать руки, что учиться и переучиваться не поздно ни в каком возрасте. От этого выигрывают люди и страна.

Со всеми этими прекрасными идеями в голове и с сотней шекелей уставного капитала я в 1998 году открываю свою фирму. Ещё во время работы с Зевом у меня был знакомый маклер в компании «Перфект». Вот в этом «Перфекте» я буквально снял угол, поставил стол и компьютер. Офисное крутящееся кресло в почти приличном состоянии было подобрано на помойке. Мой папа починил его и обтянул новой обивкой. Вот и всё богатство моего первого офиса. Назвался я «Перфект плюс» - по имени приютившей меня компании.

Несправедливо было бы сказать, что я был один-одинёшенек. У меня был партнёр соученик по колледжу младших инженеров по имени Роберт. Первое время не было вообще никакой машины – «директорский» джип с прошлой работы я отдал Зеву обратно, я же с ним больше не сотрудничал. Приходилось возить людей на рабочие места на общественном транспорте. Рынок вакансий мы выбрали не самый простой: рабочие специальности. Имея опыт работы сварщиком, я мог провести собеседование с теми, кто искал работу сварщика, а также слесаря, токаря, фрезеровщика. Люди рабочих специальностей шли к нам охотно, потому что не всякое рекрутинговое агентство в Израиле умело эффективно работать с этой категорией людей.

Примерно через полгода появилась возможность снять отдельное помещение, а не ютиться в «Перфекте» на птичьих правах. Я оказался перед выбором: квартира или офис. На то и другое денег бы не хватило. Надо ли говорить, что арендовал я, разумеется, офис в Хайфе. В нем я и жил следующие два года. Там на лоджии был раскладной диван, шкаф, в который я вешал пиджак и брюки, и гладильная доска. В душ я ходил в соседний фитнес-центр с бассейном – по абонементу. Мне, молодому и бессемейному, такой образ жизни был нипочём, даже было по-своему здорово. Можно было в шутку утешаться тем, что многие мечтают так жить: на работу не приезжать, а просто вставать с кровати.

Мы подыскивали работу людям с готовыми специальностями и находили возможность учить на курсах тех, кто хотел повысить квалификацию. Как раз тогда мы открыли в Хайфе первые наши курсы: сначала сварщиков, а затем операторов-наладчиков станков с программным управлением.

В 2003 году большая строительная компания не выплатила нам деньги за проделанную работу. С их стороны это была форменная афера, но пострадали мы. Дыра в финансах была существенной, «псу под хвост» пошла огромная работа, и положение нашей компании пошатнулось. Партнёр мой проявил качество характера, которое одни называли бы благоразумностью, другие – малодушием. Мне и сейчас трудно давать оценку его позиции. Одним словом, Роберт выступал за то, чтобы начинать процедуру банкротства.

Я с ним не согласился и пошёл своим путем, заявив: я буду биться до конца. Мы с ним по этому вопросу судились.

Я остался в офисе с одной-единственной секретаршей. Я продолжал вести дела по телефону, выполнять обязательства по вакансиям и обучению – считал, что нельзя подводить людей по такой «смешной» причине, как ссора партнёров и финансовые дыры.

Товарищ мой наломал много дров. Он проиграл все суды и остался мне должен по суду довольно много денег. А я как раз в это время предпринял шаг колоссальной наглости. Словно вернул тот самый я образца 1998 года: настолько в себя верил, что пошёл на это, нисколько не сомневаясь, что судьба меня опять вывезет. С высоты нынешнего опыта могу судить: шанс был один из тысячи. Или даже меньше.

Так вот: я продал всё, что мог продать. Взял денег у родителей. И на этот свой последний резерв снял офисы в Тель-Авиве и Ашдоде (что сразу повысило статусность) и закупил рекламу курсов по всей стране. Я мотался между тремя городами, как скаковая лошадь. Ухитрялся привлекать клиентов, получать с них деньги отсроченными платежами, оплачивать рекламу. И удержал «Перфект плюс» на плаву! Поневоле согласишься, что Б-г не оставляет таких наглых и уверенных, если только цель правильная. У меня уже была семья и вскоре родилась первая дочка, и никак нельзя было оставаться без заработка.

С Роберта я мог взыскать по суду долг, закон давал на это семь лет. Но у меня рука не поднималась. После того как мы перестали работать вместе, у него в жизни всё пошло наперекосяк, его постигли финансовые неприятности и другие беды. Я решил, что не буду отнимать молоко у его детей.

Я был в этот момент сильнее, и мне показалось, что силе присуща доброта, а не мстительность.

Всё-таки молодой я был и наивный, как я уже говорил. Но мне кажется, что такого рода наивность надо где-то в глубине души сохранять. Иначе человек, ответственный за какое-то дело, скатывается в цинизм. А это вредит делу, человеку и стране. Я ещё к этой мысли вернусь.

Появляется «Статус»

Перехожу к описанию самой плодотворной поры моей жизни. Я вложил в компанию деньги, душу, силы. Я был убеждён, что занимаюсь замечательным делом, занимаюсь им хорошо, со мной рядом единомышленники, и мы горы своротим.

Дела компании пошли совсем хорошо. Сейчас мои слова наиболее похожи на хвастовство, но не могу не сказать, что мы превратились в одну из ведущих компаний в этой сфере деятельности в Израиле.

Мы осознавали необходимость обучения людей, первые курсы сварщиков заработали ещё до несостоявшегося банкротства 2003 года. Далее курсы по обучению сварщиков и техников по слаботочным системам, программистов и специалистов по логистике, контролёров качества и управляющих персоналом появлялись уже в составе нашей компании. Мы основали центр профессионального обучения «Статус Скул». Продолжало активно работать агентство по трудоустройству «Перфект Плюс». Вместе мы теперь назывались так: сеть центров переквалификации и трудоустройства «Статус Групп». Постоянно работало восемь филиалов от Кармиэля до Беэр-Шевы.

Да, похоже на рекламу.

Но хочу сказать, что «Статус Групп» - плод невероятного, самоотверженного труда. Моего и моих сотрудников. Работники «Статуса» забывали ради дела про сон, еду и семью. Компания устроила на работу и помогла определиться в жизни тысячам людей. Они выбирали специальность по нашей рекомендации, учились, а затем подавляющее большинство находили хорошее место – с нашей же помощью. Это редко удается компаниям, работающим в сфере переквалификации.

Мы на девяносто процентов работали с русскоязычной алией. Часто сталкивались и боролись с пресловутым настроением «Здесь я никто, я ничего не добьюсь». Нам случалось делать отличных программистов из бывших российских литераторов, учителей и артистов балета. Мы не только указывали людям путь, но и вели по этому пути за руку до победы.

Ценно то, что большинство новых клиентов «Статус Групп» - это люди, которых привели наши бывшие «воспитанники», те, кого мы учили и устраивали. Их друзья, знакомые, даже дети! За пятнадцать лет существования компании у кого-то и потомки подросли, им тоже понадобилось профессиональное обучение и трудоустройство. То есть наша отличная репутация в профессии подтверждалась самым нерушимым доводом – мнением народа. Это дорогого стоит.

И ещё. Готовясь биться за свой бизнес, когда такая необходимость возникла, мы посчитали: за пятнадцать лет существования мы принесли Государству Израиль не одну сотню миллионов шекелей. Один человек, который с нашей помощью становился не иммигрантом на пособии, а достойным гражданином, платящим налоги, экономил государству около восьми тысяч шекелей в месяц. Если сосчитать всех, кого мы выучили и устроили на работу, получится огромная сумма.

Так что когда я говорю, что «Статус Групп» была одной из лучших компаний в сфере профессионального обучения и трудоустройства в Израиле, я нисколько не кривлю душой. Самое удивительное, повторяюсь, в том, что государство должно было бы своими силами наладить работу государственных проектов с такими же, как у нас, функциями. Тогда частникам вроде нас было бы негде развернуться.

Со временем нам станет ясно, что в госструктурах Израиля есть чиновники, для которых слова «интересы народа и государства» - пустой звук. Для этих выдающихся людей существуют совсем другие интересы.

Судьбе было угодно положить конец моей наивности и пре-краснодушию. Я столкнулся с ситуацией, когда нужно было идти против совести и чести, а заодно и против закона. Или прино-сить в жертву дело своей жизни, извините за пафос. Я не захо-тел участвовать в пре-ступных схемах, которые мне попытались навязать определенные структуры. Точнее, опреде-ленные пер-соны, для которых свои интересы важнее интересов страны. Они оказались влия-тельнее, чем честные люди.

«Статус» пал жертвой этой абсурдной ситуации.

Глава 3

Ваучер на расправу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.